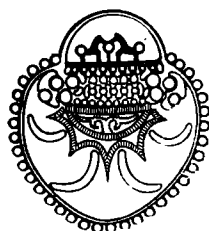

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1958

Л. М. РУТКОВСКАЯ

ПАРФЯНСКАЯ КЕРАМИКА ДРЕВНЕГО МЕРВА

Планомерные раскопки, проводившиеся ЮТАКЭ в 1950—1955 гг. на территории городища Гяур-Калы — древнего Мерва, — наряду с большим количеством различных изделий дали значительное число керамики.

Здесь исследовались архитектурные комплексы разного времени, остатки мастерских и закладывались стратиграфические шурфы. На основании анализа содержания культурных наслоений, датировавшихся, как правило, нумизматическим материалом, а также сопоставления находок из разных частей городища нам удалось выделить отдельные хронологические комплексы керамики древнего Мерва. Отмечу, что предлагаемую в настоящей работе хронологическую шкалу керамики мы имели возможность отчасти проверить и во время работ 1956 г.

В настоящее время наиболее полно представлена керамика парфянского времени (III в. до н. э. — III в. н. э.). Понятие «парфянская керамика» мы употребляем довольно условно, так как в данном случае имеются в виду не династические или этнические моменты, а хронологические рамки. Рассматриваемая керамика хронологически распределяется следующим образом: керамика III—II вв. до н. э.; керамика I в. до н. э. — I в. н. э.; керамика II—III вв. н. э.

В нижних слоях некоторых раскопов была обнаружена также керамика середины I тысячелетия до н. э. (древнемаргианская), но она представлена отдельными находками.

Комплекс керамики III—II вв. до н. э. был получен в нижних слоях (XXIII—XXIV—XXV ярусы) 1-го шурфа раскопа 6, а также в нижних слоях 1, 2 и 3 шурфов раскопа 2 (XIV—XIII—XII ярусы). Найдены в основном обломки керамики, которые при наличии целых сосудов идентичных форм дают возможность восстановить характер посуды II—III вв. до н. э. Критерием датировки этой керамики была ее сравнительная и типологическая характеристика, а также монеты Артабана I и Митридата I.

Все сосуды, за исключением кухонных, сделаны на быстровращавшемся гончарном круге. Изготовление сосудов отличается большой тщательностью. Глина тонкой отмучки, без видимых примесей. Черепок в изломе красного или розового цвета и лишь незначительное количество черепков серого цвета. Сосуды часто покрыты светлым ангобом. В особую группу мы выделяем краснолощенные и серолощенные сосуды. Кухонные сосуды изготовлены из грубой глины с примесью дресвы.

Посуда III—II вв. до н. э. характеризуется разнообразием форм: здесь есть широкогорлые сосуды, кувшины, горшки, чаши, кубки, тарелочки, миски, вазы, хумы, хумчи, котлы. Внутри каждого вида наблюдаются отдельные варианты.

Чаш и . В культурных слоях III—II вв. до н. э. шурфов раскопа 6 и раскопа 2 эти сосуды представлены большим количеством фрагментов верхних частей и донышек и почти целых образцов. Все чаши имеют ши-

рокое устье; толщина стенок 3—6 мм с расширением ко дну. Большинство чаш (независимо от их формы) покрыто с внешней стороны светлым ангобом.

Большую группу составляют чаши, у которых верхняя часть внешней поверхности светлая, в то время как остальная поверхность — красная или розовая. На первый взгляд эта окраска производит впечатление светлого ангоба, но при детальном изучении оказывается, что это результат обжига. Светлый цвет имеет обычно самая широкая часть сосуда, независимо от его формы. На изломе черепка заметно, что с внешней стороны на толщину 1—2 мм он имеет светлый (кремоватый) цвет, который сменяется дальше розовым, красным или коричневым. Последнее обстоятельство мы связываем с самим процессом обжига, а именно: во время обжига чаши становились одна на другую днищем кверху; большая часть наружной поверхности оказывалась закрытой сверху стоящими чашами; открытой оставалась только наиболее широкая часть сосуда, которая, естественно, подвергалась воздействию более высокой температуры, чем вся остальная поверхность, но эта температура не была достаточно велика, чтобы черепок на всю его толщину оставался светлым.

Аналогичное явление отмечает В. Д. Блаватский для мегарских чаш¹.

Укажем, что чаши со светлой верхней частью известны в Маргиане еще во время, предшествующее раннепарфянскому (памятники типа Яз-Тепе III). Это говорит о том, что уже в ранний период производство чаш было массовым.

Что касается формы мервских чаш, то тут обращает на себя внимание отсутствие стандартов; среди одной и той же группы чаш трудно найти идентичные образцы, не говоря уже о том, что многие группы имеют свои разновидности.

Распространенной формой являются глубокие чаши цилиндро-конической формы (рис. 1, 1.). Близки к ним чаши кубкообразной формы с невысоким вертикальным бортиком, загнутым внутрь (рис. 1, 2, 3). Имеется группа чаш с вертикальным бортиком, отличающихся широкими пропорциями (рис. 1, 5, 6, 10). Распространяются различные варианты полусферических чаш (рис. 1, 8, 9, 12, 13), причем среди них встречаются экземпляры серолощенных и в большем количестве краснолощенных чаш.

Значительную группу составляют чаши с изогнутым профилем (рис. 1, 19, 21—24). Среди них есть и серолощенные (рис. 1, 14).

В меньшей степени распространены чаши, прямые стенки которых расширяются от дна к устью раструбом (рис. 1, 15—18).

Чаши имеют кольцевидное или плоское днище.

М и с к и. По форме они напоминают чаши и отличаются от них только большими размерами. Они, как правило, имеют полуовальную форму с утолщенным венчиком, загнутым внутрь или отогнутым наружу. Есть миски с прямыми стенками, расширяющимися раструбом.

Т а р е л к и. Наряду с мисками выделяется категория мелких тарелок на кольцевом поддоне. В верхней части они оканчиваются широким бортиком, утолщенным венчиком или срезанным краем стенки (рис. 1, 26—28).

Ш и р о к о г о р л ы е с о с у д ы — в данном комплексе самая распространенная форма сосудов наряду с чашами. Они имеют форму горшка и крынки. Сосуды типа горшка часто имеют венчик, отогнутый наружу, с желобком для крышки (рис. 2, 8, 12, 13), венчик в виде валика (рис. 2, 4, 5), а также сдвоенный венчик (рис. 2, 3).

Распространяются крынки с подтреугольным сечением верхнего края с желобком (рис. 2, 1). Широкогорлые сосуды, как правило, не украшены, за исключением горшков, имеющих несколько рельефных линий на плечиках (рис. 2, 8).

¹ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 253.

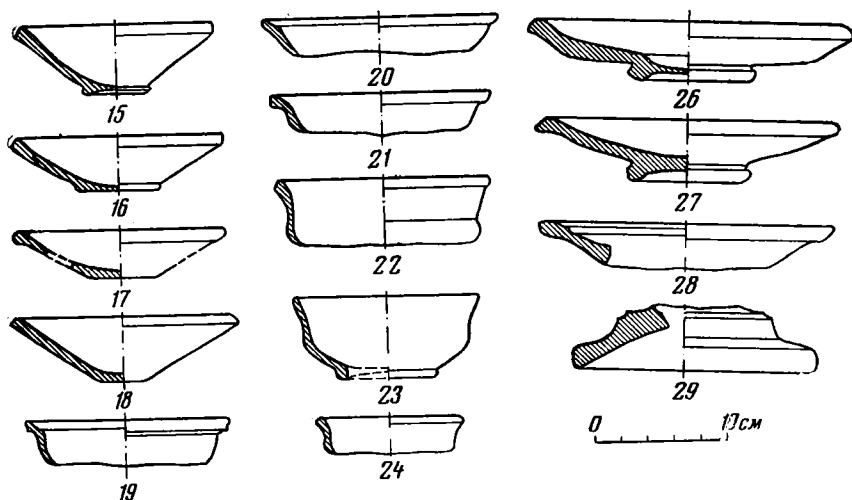
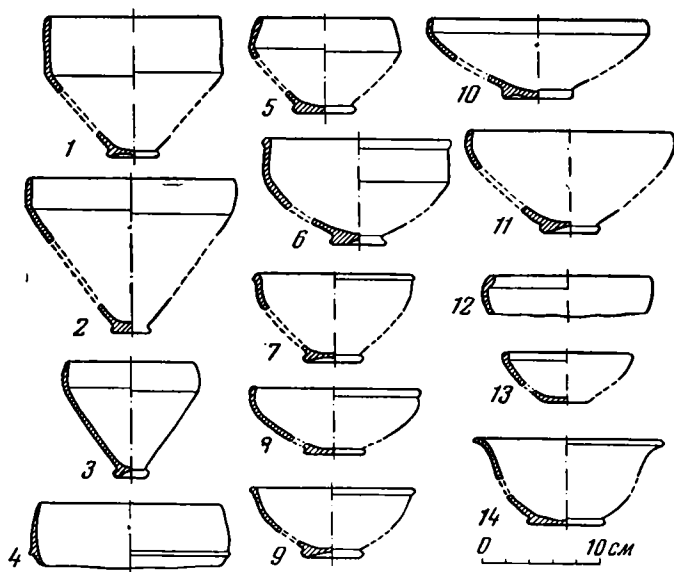

Рис. 1. Мерв. Гяур-Кала. Керамика III—II вв. до н. э.

Кувшины представлены сравнительно небольшим количеством обломков. Сохранились только части горловин, что не позволяет реконструировать их форму. Однако заметим, что некоторые типы кувшинов бытуют и в позднейшее время (вплоть до позднепарфянского). Характерной особенностью кувшинов парфянского времени, до II в. н. э., является то, что они, как правило, широкогорлые; диаметр горловины не намного меньше диаметра тулова. Горловина расширяется в нижней своей части и переходит в тулово. Некоторые наши фрагменты горловин свидетельствуют о том, что данные кувшины были также широкогорлыми и у них, как правило, нет следов ручек. Но фрагменты горловин небольших кувшинов имеют следы ручек. Найдено также немного отдельных ручек, круглых в сечении и овальных, с каннелюрами (рис. 2, 31—35).

Распространенным видом является горловина с венчиком в виде продолговатого валика, разделенного с внешней стороны желобком (рис. 2, 21, 22), а также с утолщенным венчиком, отогнутым наружу (рис. 2, 14—

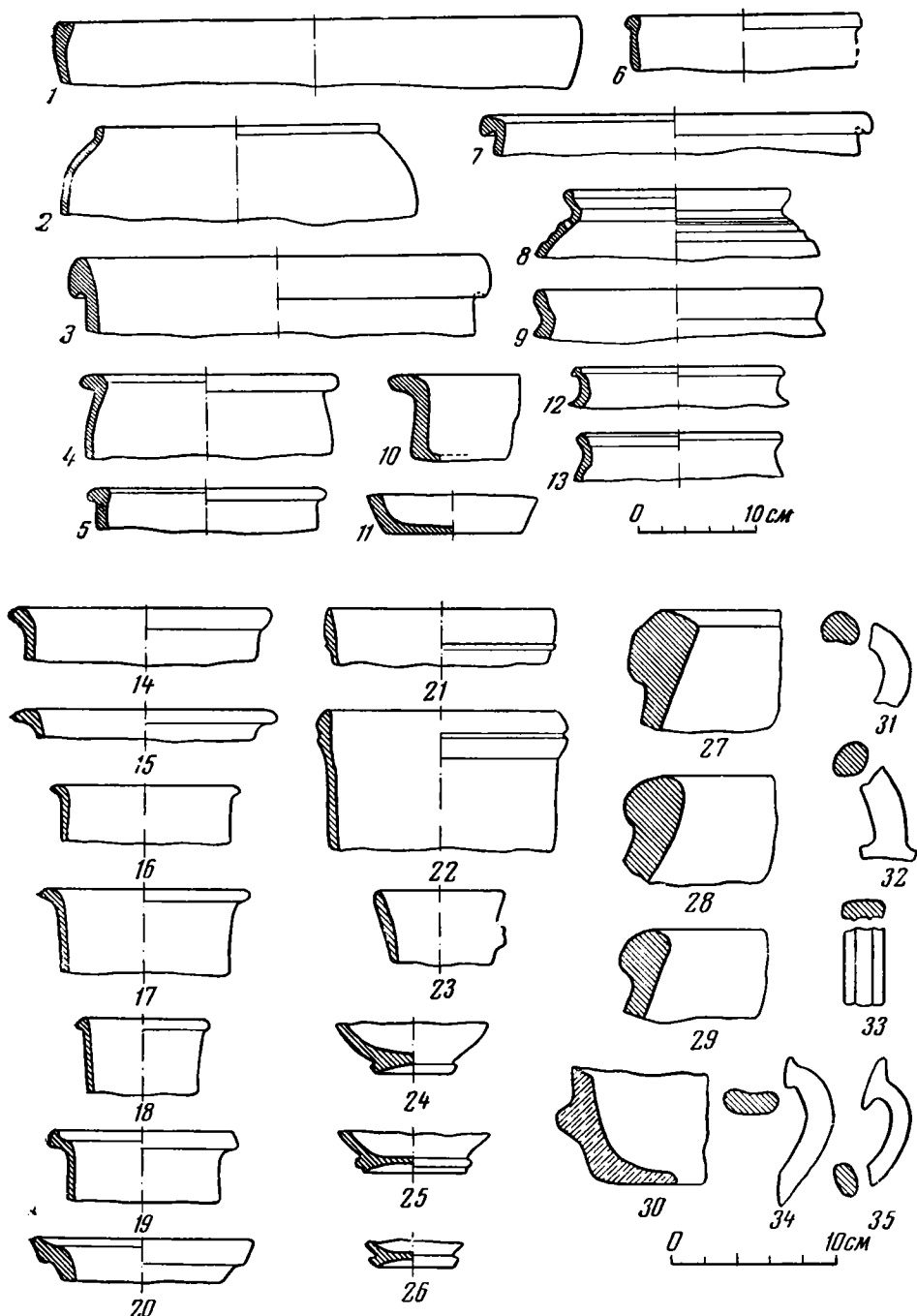

Рис. 2. Мерв. Гяур-Кала. Керамика III—II вв. до н. э.

18). В меньшем количестве встречаются горловины с резко отогнутым венчиком и с желобком для крышки (рис. 2, 19, 20).

Хумы представлены главным образом стенками, единичными фрагментами венчиков в виде утолщенного валика. Диаметр хумов по верхнему краю 37—44 см; изготовлены они на гончарном круге (рис. 2, 27—29).

Наряду с описанными выше основными типами сосудов, в данном ке-

рамическом комплексе имеются также кухонные сосуды, миниатюрные сосудики типа горшка, а также хумчи.

Переходя к анализу форм сосудов, надо отметить, что в III—II вв. до н. э. большинство форм продолжает традицию маргианской керамики предшествующего времени. Наряду с этим бытуют сосуды новых форм.

Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие формы кувшинов в памятниках середины I тысячелетия до н. э. (типа Яз-Тепе III). Их нет и в нижних слоях допарфянского времени Гяур-Калы, хотя известно, что кувшины бытуют в памятниках Анау III и IV.

Выше уже шла речь о том, что в комплексе III—II вв. до н. э. кувшины занимают небольшое место. Форма их за редким исключением очень несовершенна и представляет собой начальные звенья в эволюции этой категории сосудов вообще. По существу многие из наших кувшинов представляют собой переходные формы от широкогорлого сосуда к кувшину. На эту эволюцию указывают и аналогии в венчиках.

В Хорезме имеют место аналогичные явления. В керамике кюзелигырского типа кувшины пока не найдены, они появляются незадолго до кангюйского времени, а может быть, только в кангюйское². Некоторые формы кувшинов кангюйского времени Хорезма находят себе аналогии в кувшинах Гяур-Калы³. Но, в отличие от кувшинов Гяур-Калы, кувшины Хорезма часто орнаментировались росписью, нередко поверхность залащивалась вертикальным лощением. Ручки иногда оформлялись в виде фигурки животного.

На территории Согда кувшины появляются на стадии Афрасиаб II⁴ и так же, как на Гяур-Кале, они широкогорлые. На территории Бактрии характерным типом кувшинов в рассматриваемое время являются тоже широкогорлые кувшины. Но у кувшинов Кобадияна II встречаются две ручки, что мы склонны относить за счет влияния античной керамики⁵. В кувшинах Беграма I мы находим также аналогии описанным выше кувшинам Гяур-Калы⁶. Что же касается кувшинов рассматриваемого времени передневносточных провинций Парфии, то здесь эта форма нашла уже широкое распространение и отличается большим разнообразием⁷. Ее формирование протекало под влиянием античной керамики.

Некоторые типы чаш находят себе аналогии на территории Согда⁸, Кобадияна⁹, Кашка-Дарьинской области¹⁰ и Хорезма.

Особый интерес представляет вопрос о распространении серолощенной и краснолощенной керамики, в частности чаш. Серолощенные цилиндрикоконические чаши были найдены В. М. Массоном на территории Маргианы в памятниках эпохи бронзы (типа Тахирбай-Тепе). Серолощенная керамика известна в Анау¹¹. Но во время, предшествующее парфянскому (в памятниках типа Яз-Тепе III), их нет. Они не отмечены и в допарфян-

² М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. М., 1954, стр. 14 (рукопись); хранится в архиве Института этнографии АН СССР.

³ Там же, рис. 104, 121.

⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 156.

⁵ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян). МИА, № 37, 1953, стр. 286.

⁶ R. Ghirshman. Begram. Caire, 1946, табл. XXXI—XXXII.

⁷ N. C. Debevoise. Parthian Pottery from Seleucia on the Tigris. University of Michigan Press, 1939; N. Toll. The Green Glazed pottery. The Excavations at Dura — Europos. Final Report, вып. I, London, 1943; O. Rauter. Die Innenstadt von Babylon (Merkes), Leipzig, 1926, стр. 39; J. P. Peters. Nippur or Explorations and Adventures on the Euphrates. New York — London, 1897, табл. VII.

⁸ А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 169. Коллекция Самаркандского Музея культуры народов Узбекистана, инв. № А-7-17; О. В. Обельченко. Куя-Мазарский и Лявандакский могильники — памятники культуры Бухарского оазиса. Ташкент, 1954 (рукопись); хранится в библиотеке АН УзССР.

⁹ М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 286, рис. 20.

¹⁰ С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. 2, Ташкент, 1950, стр. 95.

¹¹ R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. Washington, 1908, стр. 140—141.

ских слоях Гяур-Калы и появляются после перерыва только в раннепарфянское время и дальше не продолжают.

Появление серолощенной посуды в переднеазиатских провинциях, и в частности в Дура-Европос, вызвано подражанием чернолаковой античной посуде и относится ко второй половине III в. до н. э.¹²

Большое место серолощенные сосуды занимают в керамическом комплексе парфянского времени Нисы. Она имеет широкое распространение в Кабулистане (Беграм). Р. Гиршман, ссылаясь на свои находки в доакхеменидских слоях Над-и-Али (Афганский Сеистан), считает, что сероглиняная керамика имеет здесь свою древнюю местную традицию¹³. В Кобадияне, так же как и в Маргиане, она составляет незначительный процент находок и представлена открытыми чашами, аналогичными маргианским. Впервые появляются они здесь в слое Кобадиян II (III—I вв. до н. э.)¹⁴. Серолощенная керамика не характерна для Согда и Хорезма. Для Мерва характерной формой серолощенной керамики является широко открытая чаша с изогнутым профилем либо полусферическая. Эти формы серолощенных чаш находят себе прямые аналогии на территории Кабулистана (Беграм), Кобадияна, Нисы, а также в Передней Азии (Дура-Европос, Селевкия на Тигре, Самара)¹⁵. По мере удаления на северо-восток, в среднеазиатские области, удельный вес серолощенной керамики уменьшается; она занимает еще большее место в керамике Нисы, но ее совсем мало в более северо-восточных областях (Маргиане и Кобадияне). Интересно, что ее нет в кангюйской керамике Хорезма, которая носит следы влияния позднеэллинистической керамики Причерноморья¹⁶.

Вышеизложенное дает возможность сделать вывод о том, что серолощенная керамика распространяется в III—II веках до н. э. в Средней Азии в результате тесного культурного общения с переднеазиатскими провинциями Парфии. Но тут же надо заметить, что ни в Парфии, ни в Маргиане мы пока не знаем привозной керамики вообще и в частности серолощенной. Серолощенная посуда изготовлялась на месте. Об этом свидетельствуют находимые фрагменты серого цвета, не подвергавшиеся лощению, либо лощенные частично.

Говоря о распространении серолощенной керамики, мы не ставили своей задачей рассмотрение общего ареала ее распространения. В этом случае пришлось бы значительно расширить территориальный обзор, так как серолощенная керамика в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры распространяется не только в странах Азии, но известна широко в Восточной и Западной Европе. На этом широком пространстве она связывается с разными племенными массивами (сарматами, греками Причерноморья, носителями культуры полей погребальных урн, пшеворской культуры и т. д.) и возникает в различных исторических условиях. В результате этого появляется целый ряд локальных форм сосудов, характерных для каждой данной территории.

О связях Мерва с переднеазиатскими провинциями Парфии свидетельствуют и формы нелощеных чаш, мелких тарелочек, ваз, имеющих красный или розовый черепок и покрытых иногда светлым ангобом. Чаши, для которых характерен плавный и изогнутый профиль (рис. 1, 7, 9, 14, 19, 21, 23), а также мелкие тарелочки появляются на Гяур-Кале в III—II вв. до н. э. и находят себе широкие аналогии в парфянской керамике Нисы¹⁷,

¹² D. H. Cox. The Greek and Roman Pottery. Excavations at Dura-Europas. Final report IV, ч. I, вып. 2. London—Oxford, 1949, стр. 18.

¹³ R. Ghirshman. Ук. соч., стр. 44.

¹⁴ М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 285.

¹⁵ N. C. Debevoise. Ук. соч.; N. Toll. Ук. соч.

¹⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 86.

¹⁷ Таблицы керамики шурфа Н₉ и раскопа Н₇, а также сводные таблицы парфянской керамики Новой Нисы, составленные М. И. Вязьмитиной. Хранятся в архиве ЮТАКЭ.

в переднеазиатской керамике, в керамике Беграма I¹⁸, Кобадияна II¹⁹, Мудин-Тепе I²⁰.

Что касается краснолощенной керамики, то она для Гяур-Калы нехарактерна и встречается в небольшом количестве. Она получила широкое распространение в керамике Тохаристана, Согда, Хорезма, Давани. Что касается самой техники лощения по красному ангобу, то она очень древняя и широко распространена как в Азии, так и в Европе. Однако в Передней Азии (в частности в Дура-Европос) эта краснолощенная керамика в корне изменяет свою форму и качество глины после того, как сюда стали проникать римские импортные сосуды *terra sigillata*, т. е. со II в. до н. э. Это дает возможность исследователям рассматривать краснолощенные сосуды этого времени как имитацию *terra sigillata*²¹. Однако это положение для областей Средней Азии вряд ли справедливо, так как сюда образцы римской краснолаковой посуды не проникали, а появление краснолощенных сосудов здесь относится ко времени до II в. до н. э. Так, в Согде они появляются в слоях Афрасиаб II—III²² (т. е. с IV в. до н. э.), в Хорезме — в раннекангюйское время (с IV в. до н. э.)²³, в Давани — с III в. до н. э.²⁴. Расцвет этой керамики относится к кушанскому времени, т. е. ко времени, когда влияние греко-римской культуры менее чувствуется в Средней Азии. И, наконец, в Южной Туркмении, которая находится ближе к областям римского экспорта, краснолощенная керамика встречается редко и в раннепарфянский, и в последующие периоды.

Все высказанные выше соображения приводят нас к выводу о том, что появление краснолощенной керамики в III—II вв. до н. э. в Мерве является результатом довольно тесных культурных взаимоотношений с соседними областями Средней Азии, в частности с Тохаристаном.

Заканчивая краткий обзор керамики III—II вв. до н. э., мы хотим еще раз подчеркнуть ее своеобразный характер, а также то, что ее формы в своем преобладающем большинстве продолжают древние традиции маргианской керамики. Аналогии уводят нас прежде всего на территорию переднеазиатских провинций Парфии — в Парфиену и Греко-Бактрию. В меньшей степени обнаруживаются аналогии на территории Согда и Хорезма.

Рассматривая керамику I в. до н. э.—I в. н. э., надо отметить, что по своему облику она является дальнейшим продолжением и развитием форм предыдущего времени; не изменяется и техника изготовления, только несколько увеличивается количество фрагментов с черепком сероватого цвета в изломе (лёсса).

В это время исчезают некоторые виды чаш, а мелкие тарелочки изменяют свой облик; как правило, они двух видов — с загнутым и прямым краем (рис. 3, 10, 16), а также с венчиком в виде валика (рис. 3, 15, 17).

Вместе с тем получают широкое распространение чаши древнемаргианского облика (рис. 3, 1). Сохраняется целый ряд форм предшествующего времени, но они отличаются меньшим разнообразием. Появляется форма цилиндрического бокала (рис. 3, 16).

Широкогорлые сосуды повторяют формы предшествующего времени.

В это же время более широко распространяются кувшины. Большую

¹⁸ N. Toll. Ук. соч., рис. 28—29, D. H. Cox. Ук. соч., табл. 3—5; N. C. Debevoise. Ук. соч., рис. 20—29, 205—211, 188—189; R. Ghirshman. Ук. соч., табл. XXX.

¹⁹ М. М. Дьяконов. Ук. соч., рис. 20.

²⁰ С. К. Кабанов. Ук. соч., стр. 95.

²¹ D. H. Cox. Ук. соч., стр. 6.

²² А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 156.

²³ С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 84.

²⁴ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. 4, Ташкент, 1951, стр. 23—24; е е же, Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН, 1940, № 10, стр. 29; В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Изв. УзФАН, 1940, № 10, стр. 22—24.

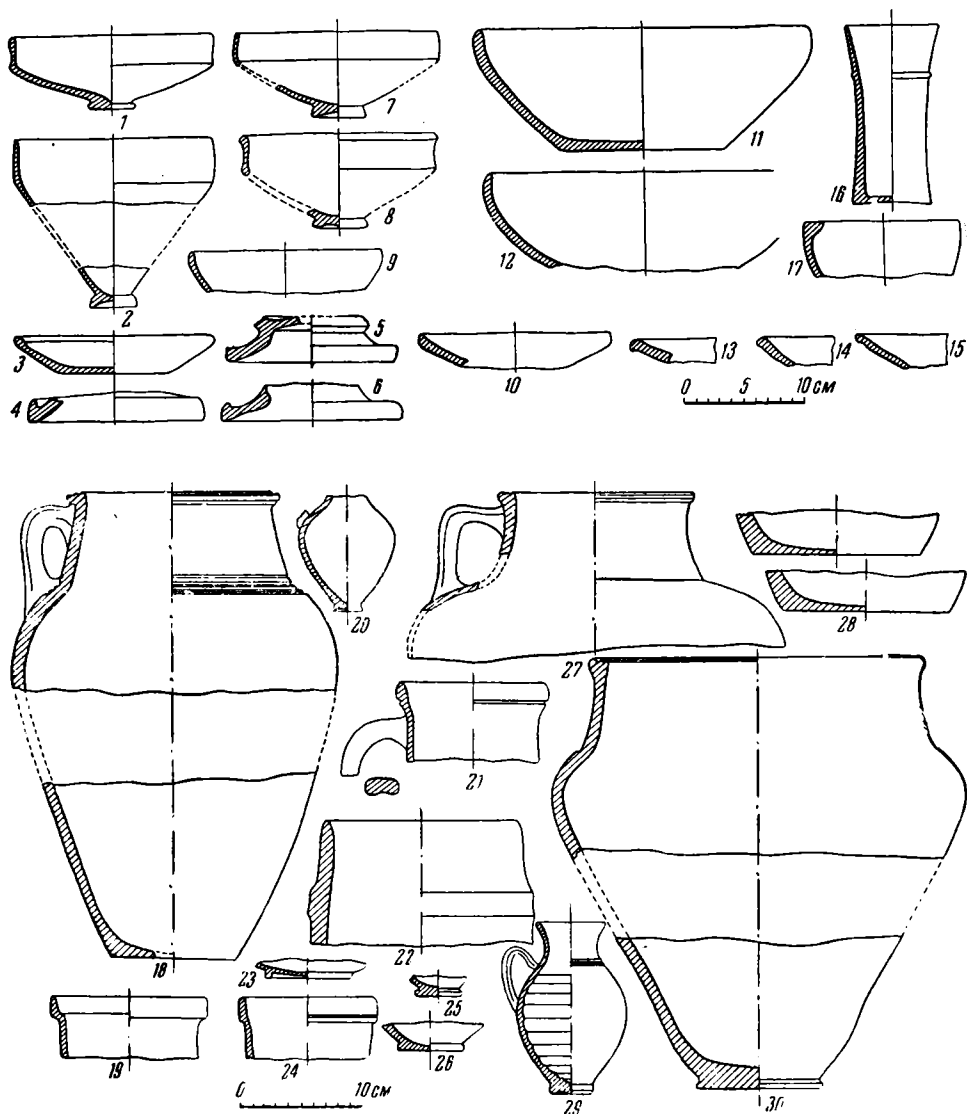

Рис. 3. Мерв. Гяур-Кала. Керамика I в. до н. э. — I в. н. э.

группу составляют широкогорлые кувшины с утолщенным сверху венчиком, подтреугольным сечением с желобками на верхней поверхности (рис. 3, 18, 30).

Указанные выше формы сосудов находят себе широкие аналогии в сосудах Средней Азии и прежде всего в приамударьинских областях левого берега реки (в частности, Чарджоу), в Сурхан-Дарьинской и Кашка-Дарьинской областях. Тут, по существу, можно говорить о некоторой идентичности форм. Сравнительная характеристика отдельных видов сосудов затрудняется тем, что керамика указанных областей недостаточно расчленена хронологически. Однако поражает большое сходство форм сосудов Мерва, Термеза²⁵, Айртама²⁶, Зар-Тепе, Хайрабада²⁷. То же отмечаем в

²⁵ В. Д. Жуков. Стратиграфический разрез части ограды калы древнего Термеза. Тр. АН УзССР, сер. I. История, археология, Ташкент, 1945, стр. 96, рис. 20.

²⁶ М. И. Вязьмитина. Керамика Айртама времени кушанов. Там же, стр. 57.

²⁷ Зар-Тепе и Хайрабад исследовались Л. И. Альбаумом. Материал хранится в Ин-те истории, археологии, этнографии АН УзССР. См. Л. И. Альбаум. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949). Тр. Ин-та истории, археологии АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 119.

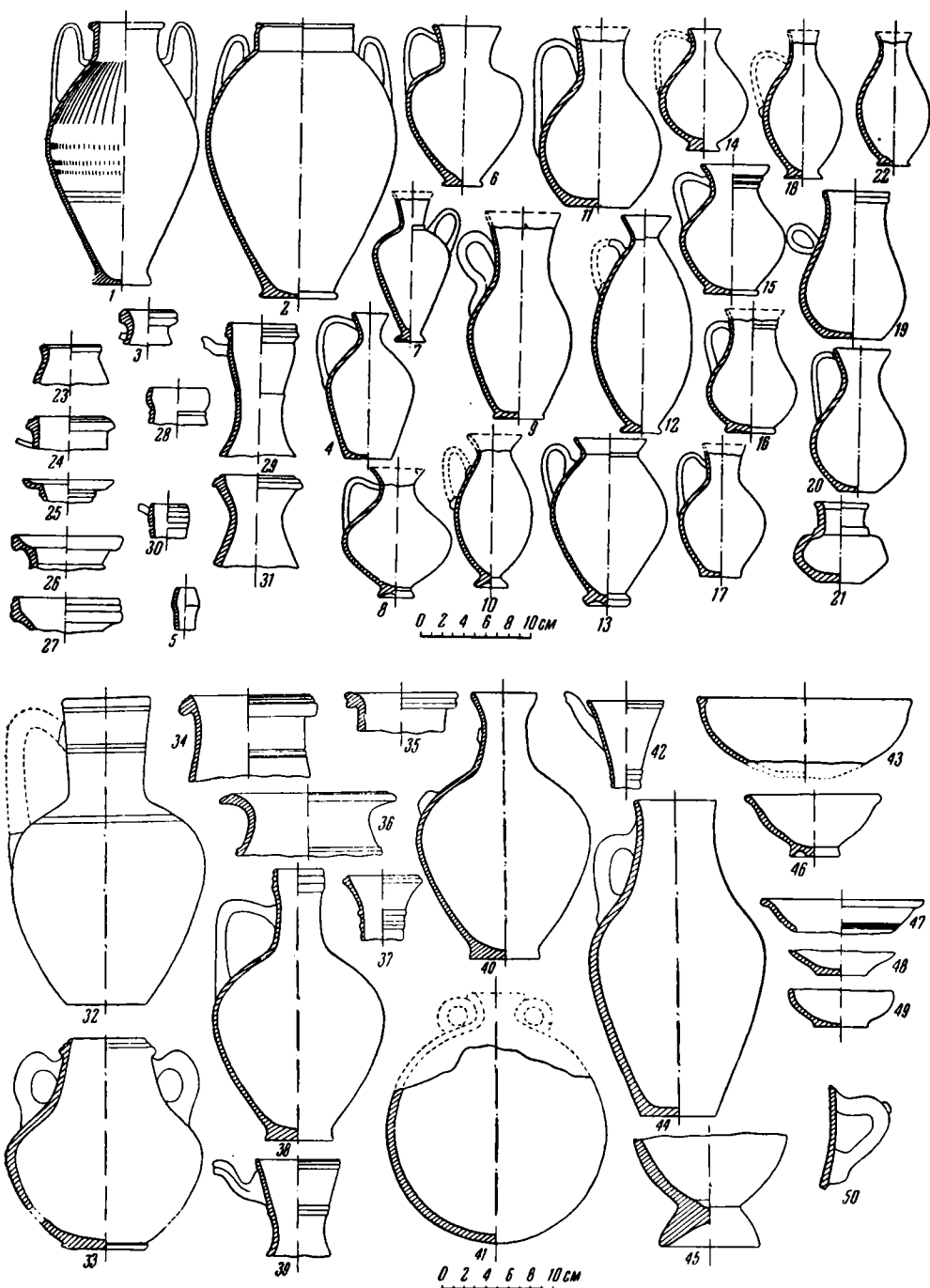

Рис. 4. Мерв. Гяур-Кала. Керамика II—III вв. н. э.

Кашка-Дарьинской области (в керамике Мудин-Тепе²⁸, Ер-Кургана²⁹). Отдельные аналогии керамическим формам Мерва мы находим в керамике Хорезма³⁰, в Исфаринском районе Таджикистана³¹, Мунчак-Те-

²⁸ С. К. Кабанов. Уж. соч., стр. 95, табл. 1.

²⁹ Там же, стр. 127, табл. 8.

³⁰ М. Г. Воробьева. Уж. соч., рис. 113, 125.

³¹ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, стр. 157.

пе³², Афрасиабе³³. Сравнительно много аналогий дает Беграм³⁴ и в меньшей степени, чем в предыдущее время, встречены аналогии в керамике Дура-Европос³⁵ и Селевкии на Тигре³⁶.

Комплекс сосудов II—III вв. н. э. был обнаружен на раскопах 2, 3, 4, 5Б, 5П, 6 и в шурфе 2. Он датируется монетами позднепарфянского и раннесасанидского чекана. Керамика II—III вв. н. э. представлена как целыми сосудами, так и фрагментами. В целом ее характеризует большое разнообразие форм, свидетельствующих о дифференцированном ее использовании.

Как показывает большое количество массового керамического материала во II—III вв. н. э., существенные изменения претерпевает техника изготовления сосудов. Сосуды, сделанные из тонко отмученной глины с красным и розовым черепком, составляют меньший процент, чем сосуды из глины без тонкой отмучки, но хорошо promешанной с сероватым, реже кремоватым и красным черепком.

Сосуды обжигаются при более высокой температуре, в результате чего при том же химическом составе глины цвет черепка становится не красным, а белым. К этому выводу мы пришли на основании многочисленных наблюдений над обжигом отдельных сосудов. Встречаются сосуды, которые прожжены на 1—2 мм толщины черепка и дают светлую наружную поверхность; на остальной толщине излома цвет черепка красный. Это мы наблюдаем на фрагментах и предыдущей хронологической группы, но в меньших размерах. В данном случае ясно, что светлый цвет черепка является результатом обжига. На некоторых фрагментах видно, что одна половина сосуда была красного цвета, другая белого; это подтверждает высказанное положение.

Как видно по материалам раскопанных керамических печей, последние во II—III вв. претерпевают значительные изменения.

Во II в. н. э. в очень незначительных количествах встречаются сосуды краснолощенные. По общему своему облику керамика II в. н. э. производит впечатление более грубой; но она отличается большим разнообразием форм, чем в предшествующее время. Здесь бытуют кувшины, широкогорлые сосуды, чаши, бокалы, миски, тарелки, толстостенные сосуды, кухонная посуда. Остановимся кратко на некоторых из них.

Кувшины бывают широкогорлые и узкогорлые. Имеют яйцевидное и округлое тулово. Характерны горловины со сложной профилировкой и венчиком (рис. 5, 25—27, 29—35, 37, 38; рис. 5, 6, 21), а также расширяющиеся растробом и заканчивающиеся утонченным краем (рис. 4, 40, 44).

Сосуды иногда имеют одну ручку. В это время впервые появляются кувшины с двумя ручками, но они не имеют широкого распространения. Для крупных кувшинов характерны поднятые над венчиком ручки, овальные в сечении, с каннелюрами. Очень часто внизу, на месте прикрепления ручки к тулову, имеются вдавления, сделанные пальцем. Имеются также вертикальные витые ручки с лепешкообразными налепами и вмятиной.

В орнаментации крупных кувшинов со II в. н. э. все чаще встречается волнистый орнамент, рельефные линии, появляется также рифление. Интерес представляет появление на стенках некоторых кувшинов орнамента в виде налепного S-образного жгута (в горизонтальном положении) и зооморфной орнаментации.

Впервые появляется форма мустахары (рис. 4, 41). Много имеется кувшинов мелких размеров, высотой 12—19 см. Они отличаются большой тщательностью изготовления и разнообразием форм, подражающих круп-

³² В. Ф. Гайдукевич. Керамическая обжигательная печь Мунчак-Тепе. КСИИМК, вып. 28, 1949, стр. 81.

³³ А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 69.

³⁴ R. Ghirshman. Ук. соч., табл. XXX, XXXII.

³⁵ N. Toll. Ук. соч., табл. 28—29.

³⁶ N. C. Debevoise. Ук. соч.

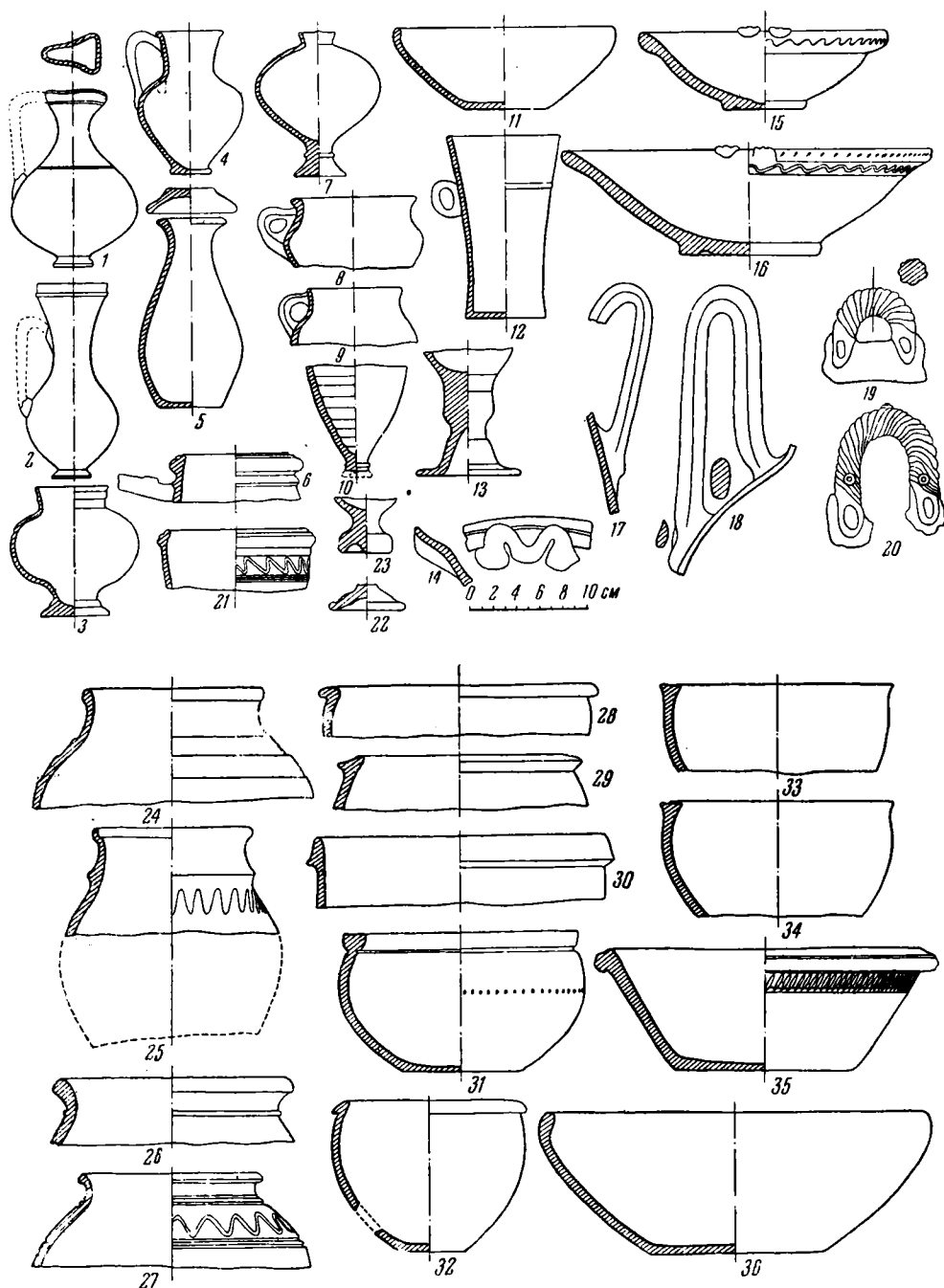

Рис. 5. Мерв. Гяур-Кала. Керамика II—III вв. н. э.

ным кувшинам. Характерным для мелких кувшинов является отсутствие венчика, а вместо него утончается край стенки, которым заканчивается либо широкий раструб шейки, либо узкая горловина (рис. 4, 7—14, 17, 18, 20). В этих сосудах впервые появляются новые элементы: грушевидное или бомбовидное тулово, петельчатые ручки. Новым является форма конусовидного полого внутри поддона, особенно часто встречающегося у мелких кувшинов. Конусовидный поддон образовался, вероятно, в результате эволюции кольцевого. Такая форма поддонов наиболее характерна для сосудов с яйцевидным туловом, стенки которого значительно сужа-

ются ко дну. Конусовидный поддон как бы увеличивает диаметр дна, делая сосуд более устойчивым. Такие поддоны, но более массивные, встречаются и у крупных кувшинов (рис. 4, 45).

Есть еще одна форма ножек, неизвестная в предыдущее время, — это ножка с перехватом в виде рельефной линии в верхней части и полая конусовидная внизу (рис. 5, 7). Имеются также высокие ножки без перехватов (рис. 5, 23). Некоторые из таких ножек принадлежат бокалам, форма которых пока не установлена.

Широкогорлые сосуды. В количественном отношении их меньше, чем в комплексах предшествующего времени. Они продолжают и развивают формы широкогорлых сосудов I в. до н. э. — I в. н. э.

Наиболее распространенной является форма крынки с подтреугольным сечением венчика (рис. 5, 31, 33, 34). Наряду с ними распространяются и сосуды типа горшка (рис. 5, 24—27). Они часто орнаментированы волнистой линией.

Чаш и. Пережиточно бытуют формы предшествующего времени, но преобладают чаши полусферические (рис. 4, 46, 47, 49). Встречаются единичные фрагменты краснолощенных чаш.

Бокалы сохраняют цилиндрическую форму, которая теперь получает петельчатую ручку (рис. 5, 12). Есть в незначительных количествах бокалы на высокой ножке типа «кушанских».

Миски. Наиболее распространенной формой является полукруглая миска с загнутым внутрь венчиком (рис. 5, 36) или с прямым венчиком, профилированным двумя рельефными линиями. Есть полукруглые миски с широким горизонтальным бортиком, украшенным волнистой линией. Наряду с описанными, имеются миски с прямыми стенками и отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 35).

Тарелки во II—III вв. н. э. являются широко распространенной формой, все они одного типа (рис. 5, 15, 16). Для их украшения широко использован волнистый орнамент. Выделяется группа тарелок, на бортике которых с внутренней или с внешней стороны имеется жгутообразный налп, имитировавший ручки (рис. 5, 14).

Толстостенные сосуды. К ним мы относим тагары, хумы, хумчи, ступки. Хумы формованы от руки из хорошо промешанной глины; часто их внешняя поверхность покрывалась светлым ангобом (рис. 6). Интерес представляют лепные ступки, часто украшенные волнистым орнаментом.

Кроме описанных сосудов, имеются также кухонные сосуды, изготовленные из грубой глины с примесью дресвы. Имеется также группа сосудов с горизонтальными витыми ручками, однако их форму установить не удалось. На ручках имеются налепы в виде двух небольших лепешек, по-

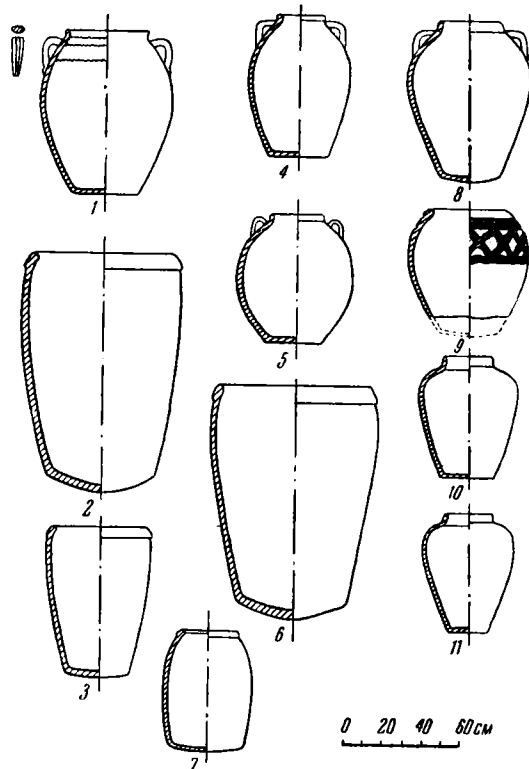

Рис. 6. Мерв. Гяур-Кала. Хумы

мещенных одна на другую. В местах прикрепления ручки к сосуду есть вмятины, сделанные пальцем (рис. 5, 19—20).

Ко II—III вв. относится также ритон в виде головы быка.

Аналогии описанным сосудам II—III вв. н. э. встречаются на территории Средней Азии. В частности, аналогии широкогорлым сосудам Мерва мы находим прежде всего в Маргиане. Некоторые аналогичные формы имеются среди парфянской керамики Старой и Новой Нисы³⁷. В кушанской керамике Хорезма встречены некоторые близкие по форме венчики³⁸, но здесь количество аналогий невелико. Гораздо больше аналогий дает керамика Беграма II—III³⁹, кушанская керамика Термеза⁴⁰, синхронная керамика Каршинского оазиса⁴¹, Кобадияна 4—5⁴², Афрасиаба⁴³. Меньше сходства в формах горшков имеется в керамике Ферганы⁴⁴ и Каунчи II⁴⁵.

Из вышесказанного явствует, что формы широкогорлых кувшинов ближе всего к керамике Мавераннахра. Как мы увидим ниже, это характерно и для других форм сосудов.

Из керамических форм Гяур-Калы, представленных в комплексе II—III вв. н. э., совершенно новой является форма бокала на высокой ножке. Однако она, судя по небольшому количеству фрагментов, не получила широкого распространения и не идет дальше III в. н. э.; так как эта форма не связана с местной керамической традицией, то ее можно считать привнесенной извне. Действительно, она широко распространяется в так называемой кушанской керамике на территории современного Таджикистана, Сурхан-Дарьинской области, Кашка-Дарьинской, Самаркандской, Бухарской и Ферганской областях.

Новым является также описанный тип тарелок с широким бортиком с жгутообразными налепами. Появляется он впервые во II—III вв. н. э.

Тарелки со жгутообразными налепами известны также и на других городищах Маргианы позднепарфянского времени⁴⁶, а также на территории Новой Нисы⁴⁷.

В Термезе в слое, датированном монетой Васудевы (III в. н. э.), встречены такие же жгутообразные налепы, но не на тарелках, а на чашах полусферической формы⁴⁸. Сосуды с широким бортиком в виде тарелок из городища Зар-Тепе, которые здесь датируются I—II вв. н. э., имеют ручки, которые напоминают по форме наши жгутообразные налепы⁴⁹. Судя по этому, можно считать, что жгутообразные налепы являются имитацией ручек.

Указанные выше факты говорят о том, что ареал распространения сосудов со жгутообразными налепами довольно широкий и связываются они прежде всего с культурой Мавераннахра первых веков нашей эры.

³⁷ См. таблицы парфянской керамики Старой и Новой Нисы, хранящиеся в архиве ЮТАКЭ.

³⁸ М. Г. Воробьева. Ук. соч., рис. 119, 140.

³⁹ R. Ghirshman. Ук. соч.

⁴⁰ М. И. Вязьмитина. Ук. соч., табл. 4; В. А. Шишкин. Курган и мечеть Чор-сутун в развалинах старого Термеза. Тр. АН УзССР, сер. I, история, археология, 1945, стр. 125.

⁴¹ С. К. Кабанов. Ук. соч.,

⁴² М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 288—291.

⁴³ А. И. Тереножкин. Ук. соч.; Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 74.

⁴⁴ В. Д. Жуков. Отчет о работе II-го отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. Сталина. Тр. Ин-та истории, археологии, т. 3, Ташкент, 1951, стр. 56—58.

⁴⁵ В. Г. Григорьев. Каунчи-Тепе. Ташкент, 1940.

⁴⁶ Разведки ЮТАКЭ 1953—1954 гг.

⁴⁷ Неопубликованный материал из раскопок М. И. Вязьмитиной 1947—1949 гг. Хранится в Музее истории ТуркмССР.

⁴⁸ В. А. Шишкин. Ук. соч., стр. 126.

⁴⁹ Л. И. Альбаум. Ук. соч., стр. 108, рис. 23.

В комплексе II—III вв. н. э. впервые появляется зооморфная орнаментация. Отметим, например, ритон с изображением быка⁵⁰, находящий себе аналогии в Тохаристане (S-образные налесты на тулове, витые ручки с налестами, ручки с отростками в виде рогов, ручки с изображением барана). Эволюцию указанных видов орнамента разработали В. Г. Григорьев⁵¹ и А. Н. Бернштам⁵².

Итак, все отмеченное относительно новых элементов в керамике Гяур-Калы II—III вв. показывает, что их формирование и эволюция связаны с культурой Мавераннахра первых веков нашей эры, в частности аналогии вводят нас к культуре сарматского облика типа Каунчи II. Характерно, что в изображении женского божества в терракоте во II—III вв. н. э. появляются новые этнические признаки и новая одежда⁵³.

Анализ керамических форм, а также данные глиняных рельефов свидетельствуют о проникновении на территорию Мерва во II—III вв. н. э. новой этнической струи с территории Мавераннахра.

Итак, краткий обзор парфянской керамики показывает локальные особенности развития материальной культуры Маргианы и, в частности, Мерва. Эволюция форм начиная с III в. до н. э. до III в. н. э. свидетельствует о непрерывной линии развития с превосходящими моментами культурных влияний.

Как показывают работы ЮТАКЭ, в других пунктах Маргианы керамика аналогична мервской. Это объясняется не только тесными взаимоотношениями с Мервом, но и сходными историческими условиями.

Формы керамических сосудов других городов Маргианы слагаются под влиянием керамического производства Мерва. Судя по большим масштабам керамического производства Мерва, часть сосудов вывозилась, надо думать, в близлежащие города. Эти сосуды, вероятно, и служили теми образцами, которым подражали керамисты периферии. Кроме вывоза готовой продукции, здесь надо предполагать и непосредственное участие мервских мастеров в керамическом производстве других городов.

Анализ керамических форм выявляет культурные взаимоотношения Мерва с другими областями, и здесь мы хотим еще раз отметить близость ранней керамики (III—II вв. до н. э.) Мерва к керамике переднеазиатских провинций Парфии. В последующее время количество аналогий здесь сокращается, и близость Мерва уже к Мавераннахру отмечается на протяжении длительного исторического периода. Это надо объяснять тем, что в это время экономические и политические интересы Мерва были связаны с Мавераннахром. Тут производилась оживленная торговля. В смысле политическом Маргиана входила еще при Ахеменидах в состав Бактрии, затем в состав Греко-Бактрийского царства. Надо думать, что и при парфянах это единство на какой-то промежуток времени сохранялось. Что же касается общности керамики II—III вв., то это объясняется передвижением племен из Мавераннахра и изменением в какой-то степени этнического состава населения города.

Приведенный выше анализ керамического материала Мерва парфянского времени позволяет нам выделить еще одну культурно-историческую область, которая характеризуется высокой своеобразной материальной культурой, развитие которой, так же как и историческое развитие Мервского оазиса, не проходило изолированно.

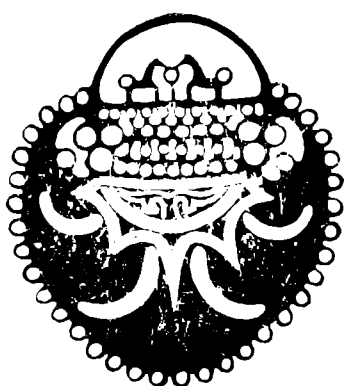
⁵⁰ М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 98.

⁵¹ В. Г. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. Изв. АН КазССР, серия археологическая, вып. I, Алма-Ата, 1948.

⁵² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 15.

⁵³ Г. А. Пугаченкова. Великая маргианская богиня. Доклад, прочитанный на заседании кафедры археологии САГУ 28 марта 1954 г.

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

2

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

К ИСТОРИИ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

Во время археологических разведок ЮТАКЭ в 1952 г. было обследовано поселение Джин-Тепе. В 1955—1956 гг. здесь проводились стационарные археологические исследования. Поселение Джин-Тепе находится в Пешан-Алийском районе Марыйской области Туркменской ССР. В древности оно находилось на границе оазиса со степью. Как показывает микро-рельеф, поселение состоит из обособленных архитектурных комплексов, выступающих на поверхности в настоящее время в виде холмов. Керамикой и монетами оно датируется I в. до н. э.— I в. н. э.

В настоящее время здесь раскопано пять керамических печей, причем одна из них исследовалась в архитектурном комплексе. Последний представляет собой обширное здание, заключающее в себе множество помещений как жилого, так и производственного назначения. Интерес представляет планировка раскопанной части здания. С южной стороны находится первый ряд комнат сравнительно большого размера, среди которых одна комната имеет несколько ниш. К этим комнатам примыкает второй ряд комнат (но не связывается с ними) гораздо меньших размеров и не носящих такого парадного вида. К помещениям второго ряда с севера примыкают помещения очень больших размеров производственного назначения. Раскопана часть такого помещения, связанного с керамической печью № 1. Разница между помещениями настолько очевидна, что можно говорить о различном их назначении. Первый ряд комнат, надо думать, являлся жильем для хозяина производства, второй ряд — для работников и третий ряд — производственные помещения. Укажем, что остатков аналогичных по планировке зданий на Джин-Тепе много и они также связываются с керамическими печами. По существу, из таких обособленных зданий состоит все поселение.

Керамические печи свидетельствуют о широких масштабах производства, в котором было занято значительное число людей, а также о специализации поселения на изготовлении керамических изделий.

Керамическая печь № 1 связана с комплексом помещений больших размеров и имеет диаметр пода печи 5,2 м. Сохранились стены обжигательной камеры на 2—2,5 м в высоту и полностью топочная камера.

Печь круглая в плане (рис. 1, 1); толщина стены обжигательной камеры 1,2 м. Сложена она из сырцового кирпича $0,41—0,42 \times 0,12—0,13$ м. С восточной стороны обжигательной камеры имеется загрузочный проем шириной 1,15 м. Он был заложен при вторичном использовании печи под хозяйственное помещение. В это же время был сделан второй проем с юго-западной стороны камеры. Ширина его 1,25 м. Под обжигательной камерой выложен из сырцового кирпича.

Под верхней кирпичной выкладкой пода имеется девять продухов, расположенных радиально и наклонно. Длина продухов 1,80—1,86 м, ширина 0,30—0,34 м. В каждом продухе имеется по два отверстия. Один посередине (диаметр 0,2 м) и другой в виде полукруга (радиус 0,1 м) примыкает к стенке обжигательной камеры. Нижнюю часть печи составляет купольное помещение топочной камеры (рис. 1, 2). Последнее выкопано в земле на глубину 2,7 м. Яма в нижней части имеет больший диаметр, сверху — меньший. Стенки топочной камеры выложены кирпичом. Кладка нависающими рядами образует ложный свод. Диаметр по нижнему краю — 2,6 м, по верхнему — 0,9 м. Внутренняя поверхность очень ошлакована и имеет темно-зеленый цвет.

Устье топки находится с северо-восточной стороны. Длина его 2,6 м, ширина — 0,6 м. С внешней стороны устье топки углублено в стене таким образом, что получается как бы ниша. В момент вскрытия указанного от-

верстия оно было заложено на $\frac{2}{3}$ своей высоты. Закладка находилась на слое наносного барханного песка. Это свидетельствует о том, что закладка была сделана после того, как печь пришла в запустение, и связывается со вторичным использованием. В топочной камере среди наносного барханного песка было обнаружено сравнительно большое количество облом-

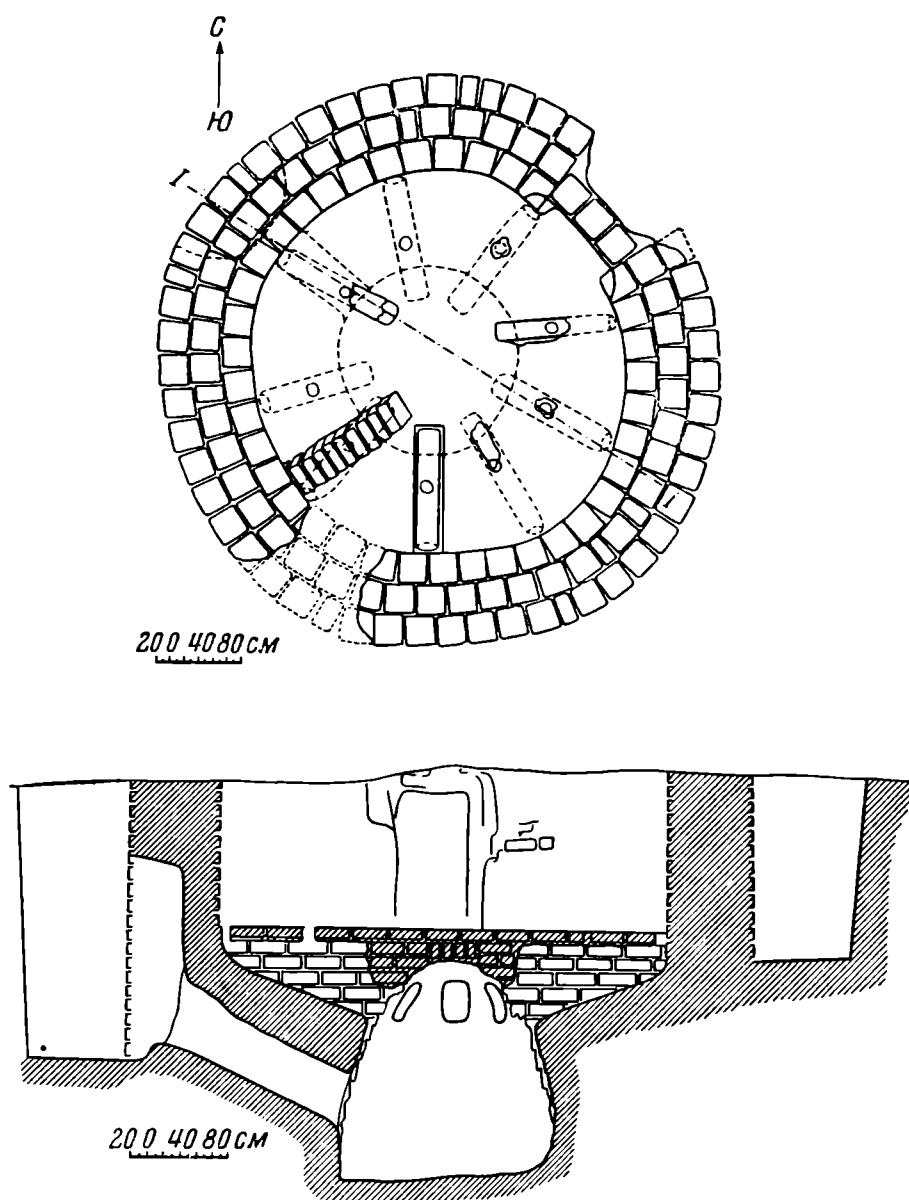

Рис. 1.

1 — план печи № 1, 2 — разрез печи № 1

ков глиняных сосудов, которые по форме и технике изготовления сходны с сосудами этого времени из Гяур-Калы (рис. 2).

Печь № 2 имеет аналогичную конструкцию (рис. 3, 1). По микро-рельефу она связывается в один комплекс с постройкой, следы которой в виде холма пмются западнее печи. На поверхности холма найдена монета, которая, по определению М. Е. Массона, относится к I в.

Стены обжигательной камеры сохранились на высоту 1 м. Печь в плане круглая, диаметром 5,1 м. В котловане обжигательной камеры было найдено много сырцового кирпича со знаками. Толщина стены обжигательной камеры 1,2 м. Стены сложены из сырцового кирпича размером $0,42 \times 0,42 \times 0,13$ м на глиняном растворе в перевязку. Между кирпичами пмются клинообразные швы, за счет которых достигался круглый план. Стены камеры внутри обмазаны штукатуркой из глины с соломой.

Штукатурка обожжена. С восточной стороны обжигательной камеры имеется проем — загрузочное отверстие шириной 0,6 м. Под обжигательной камеры частично разрушен, выложен он из четырех рядов кирпича на глиняном растворе.

В поде имеется восемь продухов прямоугольного сечения, идущих наклонно из топочной камеры в радиальном направлении. Длина каналов

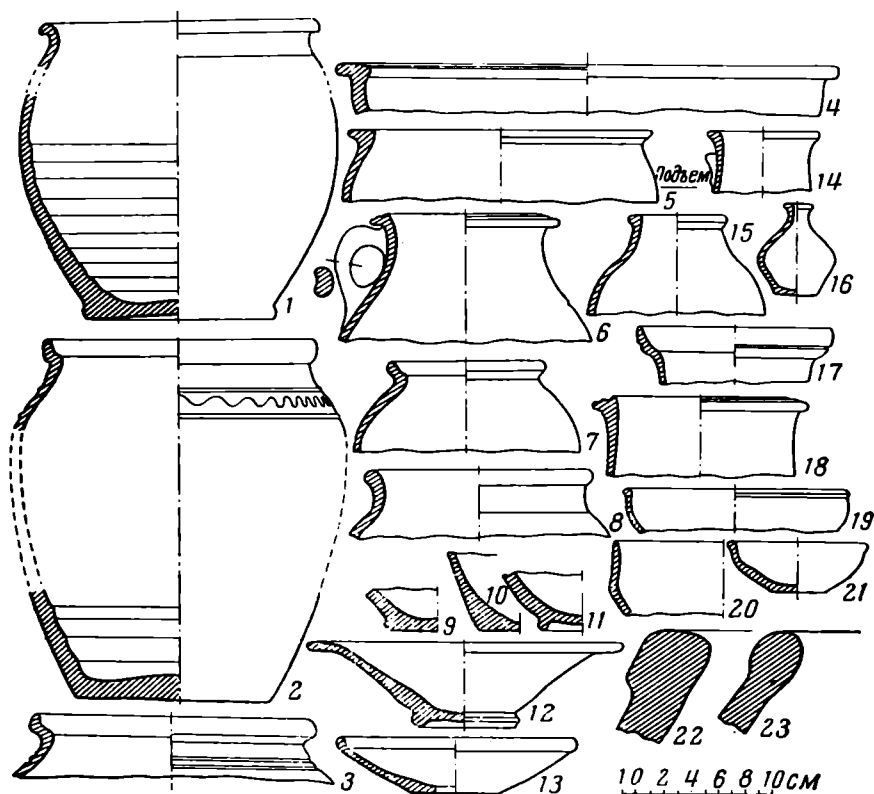

Рис. 2. Обломки глиняной посуды из печи № 1

1,54 и 1,7 м, ширина 0,2—0,24 м. Продухи подавали горячий воздух в обжигательную камеру через отверстие, имеющееся в поде. По линии каждого продуха имеется два отверстия: одно — круглое диаметром 0,1 м (посредине длины канала), другое — полукруглое, примыкающее непосредственно к стене обжигательной камеры. Под подом, в нижней части печи находится топочная камера. Она выкопана в земле, и стенки ее выложены в два кирпича нависающими рядами, образующими ложный свод. Диаметр камеры в нижней части 3,1 м, кверху она сужается до 2 м, высота камеры 3,45 м. Надо думать, что по аналогии с печью № 1 топочная камера заканчивалась куполом, который к моменту открытия ее был разрушен.

С северо-западной стороны имеется топочный канал длиной 2,5 м и шириной 0,62 м. Поверхность топочной камеры ошлакована. В заполнении была рыхлая земля, а также сравнительно большое количество сырцового кирпича размером 0,42 × 0,42 × 0,13 м. Обломки глиняных сосудов отсутствуют. Тут же была обнаружена часть каменного жернова.

Описанные керамические обжигательные печи имеют сходную конструкцию, но не дают формы обжигательной камеры целиком. Решению этой задачи помогает часть обвалившегося купола, обнаруженная среди слоя завала в печи № 1. Здесь мы видим нависающие ряды кирпича, положенного плашмя (рис. 1). Таким образом, есть все основания считать, что обжигательная камера, так же как и топочная, имела ложный свод.

Конструкция этих печей позволяла использовать для обжига посуды только отверстия продухов. На большей площади под не проводит тепло и исключается из теплового обмена. Вследствие этого не используется

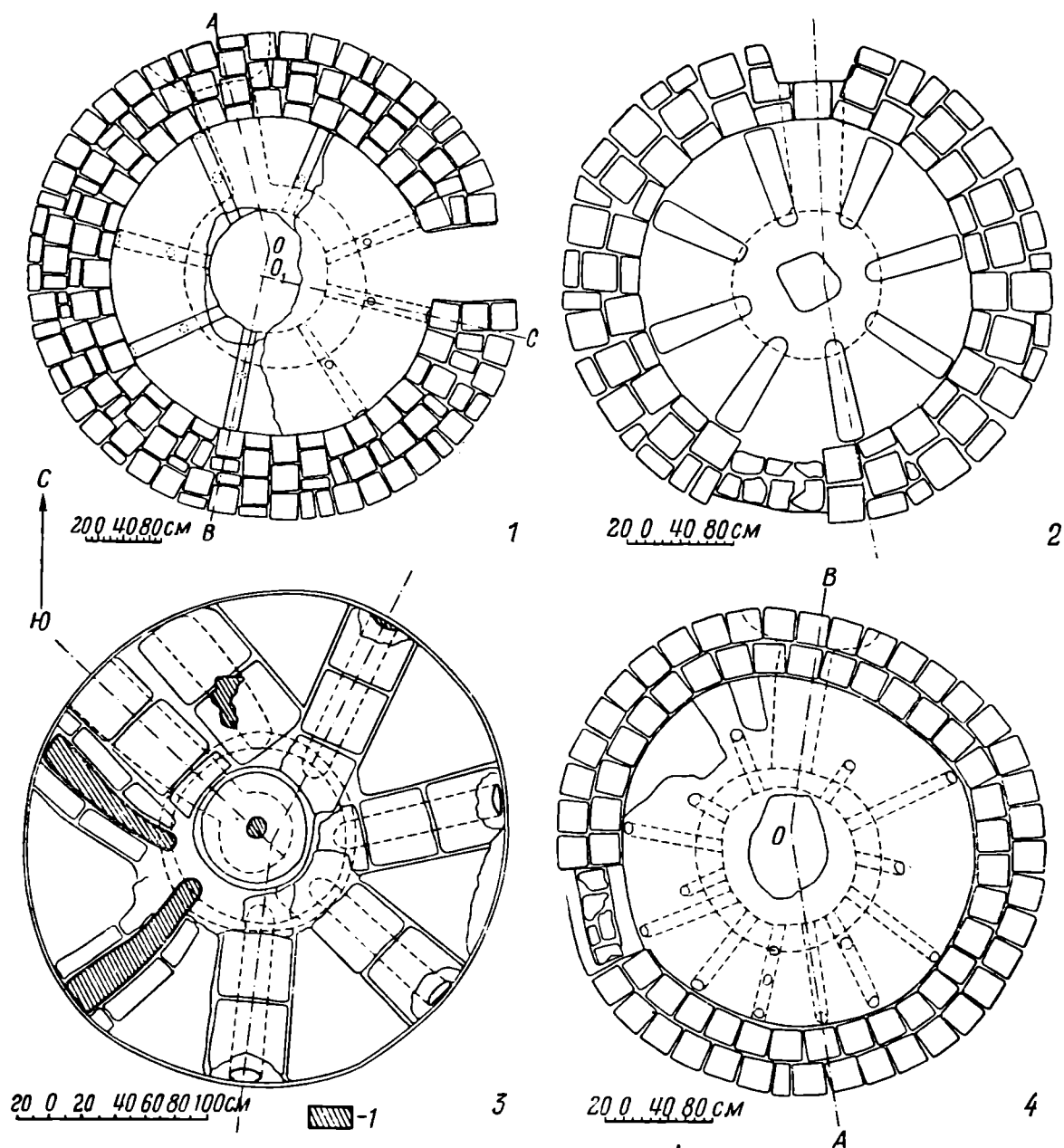

Рис. 3.

1 — план печи № 2; 2 — план печи № 3; 3 — план печи № 4; 4 — план печи № 5

большое количество полученного в топочной камере тепла. Все это сочетается, судя по размерам печей, с большим масштабом производства, так как здесь одновременно могло обжигаться много сосудов.

Около печи № 2 находится печь № 4. Она принадлежит к тому же архитектурному комплексу. Под обжигательной камеры находился на уровне современной поверхности. В плане он круглый, диаметром 3 м (рис. 3, 3). Под камеры выложен следующим образом: продукты сверху перекрыты двумя рядами кирпича. Всего имеется семь продуктов длиной 1—1,1 м, шириной 0,18—0,20 м. Они отходят наклонно из топочной камеры. В конце продуктов у стены имеется отверстие в виде полукруга радиусом 8 см. Продукты чередуются с полами внутри секторами, которые были перекрыты сверху глиняной обмазкой, а не кирпичом. На стенках двух секторов — следы копоти. Назначение секторов непонятно. С северо-западной стороны открыт топочный канал длиной 1,18 м, шириной 0,3—0,4 м. Канал сверху перекрыт также двумя рядами кирпича. По сторонам топочного канала имеются продукты.

Топочная камера, вырытая в земле и округлая в плане, имеет диаметр по нижнему краю 1,14 м, а по верхнему — 0,5 м. Глубина топочной каме-

ры 1,65 м. Она сужается кверху за счет нависающих один над другим рядами кирпичей. Вверху топочная камера покрыта лепной глиняной плитой диаметром 0,94 м, толщиной 0,16 м. Нижняя поверхность ее плоская, верхняя выпуклая в виде полукруга и напоминает купол. Посредине этой плиты имеется отверстие диаметром 0,1 м.

Конструкция печи № 4 показывает, что, сохраняя систему продухов такой же, как в печах № 1 и 2, она имеет в целом более совершенный под обжигательной камеры. Кроме каналов, в тепловом обмене здесь участвует и вся остальная часть пода за счет полых секторов. Такая конструкция печи имеет большой коэффициент полезного действия.

На юго-восток от печи № 1 расположены печи № 3 и 5. Печь № 5 в конструктивном отношении ближе стоит к печам № 1 и 2, хотя она и более совершенна. Печь № 5 топографически связывается с невысоким, но большим по площади холмом, под которым скрыто здание. Диаметр пода печи № 5 4,1—4,2 м (рис. 3, 4). Стена обжигательной камеры сохранилась на 1 м высотой. Она сложена из сырцового кирпича размерами $0,39 \times 0,39 \times 0,13$ и $0,40 \times 0,40 \times 0,13$ м в перевязку на глиняном растворе. В верхних частях стены прослеживается переход к ложному своду в виде нависающих рядов кирпича. Толщина стены 0,86 м. С западной стороны обжигательной камеры находилось загрузочное отверстие шириной 1 м.

Интересен прием кладки пода. Он имеет толщину в два кирпича, причем швы между кирпичами (шириной 3—5 см) заполнены песком и только в верхней части шва нанесен глиняный раствор. В первом и во втором ряду кладка одинакова. Первый ряд кирпичей выкладки пода отделен от второго прослойкой песка толщиной 3—4 см. Верхний ряд кирпичной выкладки покрыт слоем штукатурки 3—4 см. В настоящее время он очень обожжен и имеет серовато-зеленоватый цвет. Посредине пода имеется отверстие размером по длинной оси 1,2 м, по короткой — 0,9 м. Оно имеет неправильную овальную форму. В поде в радиальном направлении из топочной камеры расходится 13 продухов. Среди них восемь большого размера (от 1,1 до 1,3 м) и пять маленьких (размером 0,5 м). Каждый канал заканчивается на конце круглым отверстием (диаметром 0,1 м). Имеется только два длинных канала, на одном из которых три отверстия, на другом — два.

Под подом в нижней части печи имеется топочная камера, круглая в плане, диаметром по нижнему краю 2 м, по верхнему — 1,3 м, глубиной 2—2,2 м. Дно неровное. Камера выкопана в земле, а стенки выложены кирпичом размерами $0,39 \times 0,39 \times 0,12$ и $0,37 \times 0,37 \times 0,12$ м. Кладка из нависающих рядов образует ложный свод; стенки камеры ошлакованы. На высоте 1,8 м от дна топки начинается топочное отверстие высотой 0,64 м, длина топочного канала 1,8 м. Здесь были обнаружены обломки глиняных сосудов.

Печь № 5 в конструктивном отношении отличается от печей № 1 и 2 тем, что топочная камера не имеет купола, а вместо него посредине сделано отверстие. Кроме того, здесь большее количество продухов, что повышает коэффициент полезного действия печи. Эту конструкцию надо считать дальнейшим развитием печей № 1 и 2.

Печь № 3 находится юго-восточнее от печи № 1 и также связывается с архитектурным комплексом. Печь круглая в плане (рис. 3, 2). Стены обжигательной камеры сохранились высотой на 1—1,5 м. Сложены они из сырцового кирпича размером $0,42 \times 0,42 \times 0,12$ — $0,13$ м; толщина стены 0,96 м. Кладка сделана в перевязку на глиняном растворе; в горизонтальном срезе стены видны широкие клинообразные швы. В стене обжигательной камеры имеется два проема (загрузочных отверстия). Первоначальный проем скрыт под штукатуркой, второй проем (шириной 1,5 м) также заложен на всю толщину стены. Стены обжигательной камеры с внутренней стороны обожжены. Диаметр пода печи 3,82—3,89 м. Посредине пода

имеется отверстие четырехугольной формы со сторонами $0,52 \times 0,60$ м. В случае надобности отверстие, по-видимому, закрывалось большим кирпичом с П-образной выемкой, который был обнаружен нами в топке.

По радиусам пода расположено восемь продухов длиной $1,12-1,17$ м и шириной $0,22-0,27$ м. Каждый из них доходит до стенки обжигательной камеры с одной стороны и немного не доходит до центрального отверстия с другой. Ниже находится топочная камера, врытая в землю. Стенки ее выложены кирпичом и очень ошлакованы. Глубина камеры $2,9$ м, диаметр дна топки $1,8$ м, диаметр по верхнему краю $1,1$ м. С северо-западной стороны находилось топочное отверстие. Ширина устья топки $0,7$ м, высота $0,7$ м, длина топочного отверстия $2,2$ м.

По размерам приведенных выше печей видно, что в производстве было занято большое число людей, а сосуды изготовлялись на сбыт.

Описанные печи являются дальнейшим продолжением традиций керамического производства Маргяны. Так, нам известны печи V—IV вв. до н. э., находящиеся в Маргяне на поселении севернее Уч-Тепе и Чурнок¹. Они округлы в плане и дают также углубленную в землю топочную камеру, которая внизу имеет большие размеры и сужается кверху. Но здесь еще отсутствует купол топочной камеры. Что же касается обжигательной камеры, то и здесь под печи имеет также систему продухов, заканчивающихся отверстием. Иногда имеется отверстие и посредине. Преимущество в устройстве керамических печей говорит о непрерывной линии развития керамического производства на территории Маргяны в продолжении большого промежутка времени.

Печей, аналогичных описанным, пока не встречено в Средней Азии, и это дает основание считать их локальным маргянским вариантом. Ближе всего к маргянским печам стоят некоторые типы печей Хорезма². В данном случае имеются в виду печи с продухами (Базар-Кала), которые напоминают ранние печи Маргяны (Уч-Тепе, Чурнок).

Различия в конструкции печей Джин-Тепе надо объяснить их специализацией. Так как печи связаны с архитектурными комплексами, то у нас есть все основания считать их одновременными; допустим хронологический разрыв между ними в несколько десятков лет. В связи с этим мы хотим высказать несколько соображений.

Во-первых, поселение Джин-Тепе определенно специализировано на керамическом ремесле. Здесь функционирует одновременно большое число печей. Это является ярким доказательством далеко зашедшего разделения труда, когда керамическое ремесло становится самостоятельной отраслью производства.

Общественным разделением труда, с другой стороны, надо объяснить и условия для существования подобных поселений. Одним из важнейших условий является увеличение спроса. В районе Джин-Тепе жило население с разными хозяйственными укладами. Здесь проходила граница оазиса со степью; в степи кочевали скотоводы, в оазисе жило оседлое земледельческое население. Потребность обмена между ними вызывала необходимость в существовании ремесленного поселения Джин-Тепе, поставлявшего различные изделия.

О том, что производство керамики на Джин-Тепе носило товарный характер, свидетельствует также следующее наблюдение. При раскопках печей среди сосудов, сделанных на круге, встречались сосуды, формованные от руки. Здесь были обломки кухонных сосудов из глины с примесью дресвы, а также обломки лепных сосудов из хорошо отмученной глины.

¹ В. И. Сариянди. К истории древнего гончарства на территории Южного Туркменистана. Изв. АН ТССР, 6, 1956, стр. 70; его же. Керамические печи древней Маргяны. КСИМК, 69, М., 1957, стр. 73—76.

² М. Г. Воробьева. Гончарные печи античного Хорезма. КСИЭ АН СССР, 25, 1957, стр. 117.

Вместе с тем здесь встречены и кухонные сосуды из грубой глины, сделанные на гончарном круге.

Наличие лепных сосудов в больших керамических мастерских, и притом на поселении, специализировавшемся на керамическом ремесле, можно объяснить только потребностями рынка. Надо думать, что среди населения, которому сбывали сосуды, существовали в этом смысле определенные традиции. Как сообщила нам Е. М. Пещерева, до настоящего времени в некоторых местностях Средней Азии жива традиция употребления лепных сосудов. Обычно они изготавливаются на круге, но затем их внутренняя и внешняя стороны подвергаются вторичной обработке специальной лопаточкой, в результате чего сосуд приобретает шероховатую поверхность, характерную для лепных сосудов.

Анализ форм сосудов, обнаруженных на Джин-Тепе, показывает, что керамическое производство здесь развивалось под сильным влиянием Мерва. В данном случае надо предполагать, что имело место подражание мервским образцам, а также непосредственное участие мервских мастеров в местном производстве.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

ВАСЮГАНСКИЙ КЛАД

В 1958 г. в Музей истории материальной культуры при Томском университете была доставлена коллекция бронзовых вещей с р. Васюгана. Более точных сведений о месте находки неизвестно. В инвентарной книге коллекция описана как клад. Вещи составляют, по-видимому, единый комплекс.

Данный комплекс представляет большой интерес, так как здесь имеются антропо- и зооморфные изображения вместе с вещами поясного набора. Предметы звериного стиля на территории Западной Сибири известны часто в виде случайных находок, поэтому датировка их затруднена и до настоящего времени в достаточной степени не разработана. Имеющиеся в кладе части поясного набора могут быть довольно точно датированы. Эта датировка будет относиться ко всему кладу и аналогичным вещам звериного стиля, известным в качестве случайных находок из разных мест. Клад состоит из 17 предметов. В нем, кроме упомянутых выше вещей, имеются медная чаша, обломки других чаш, а также части медных предметов неизвестного назначения.

Приводим краткое описание клада.

1. Чаша (рис. 1) эллиптической формы с круглым дном, сделана из хрупкой золотистой бронзы, полирована снаружи и внутри. Край венчика несколько утолщен по сравнению со стенками. У края венчика в одном месте просверлено небольшое отверстие для подвешивания. Размеры чаши: диаметры по венчику 15 и 11,8 см, глубина 4 см, толщина венчика 2 мм, толщина стенок у дна 0,6 мм.

Кроме этой чаши, в коллекции имеется еще три обломка от подобных чаш. Один из них использован для погребальной маски, для чего проре-

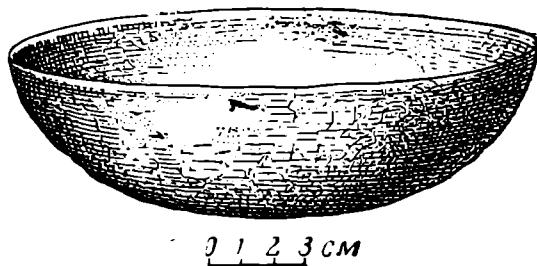

Рис. 1. Чаша из Васюганского клада